

Электронная форма
предпринимательских договоров
и разрешение споров в торговом обороте России,
зарубежных правовых порядках
в контексте развития цифровых платформ

Сергей С. Русских

*Московская городская арбитражная
и налоговая коллегия адвокатов «Люди Дела»
Москва, Россия, 0055880@gmail.com*

Аннотация. Следует признать, что весьма динамичное развитие цифровых интеллектуальных технологий предопределяет решение новых задач, направленных на установление оптимальных регуляторов современных сегментов экономической трансформации: искусственного интеллекта; машиночитаемого права; цифровых активов; цифровизации судопроизводства. Соответственно, возникает объективная потребность разработки релевантных инструментов правового воздействия на стремительно развивающиеся экономико-правовые отношения в цифровом пространстве, в том числе в сфере установления⁺ формы предпринимательских договоров в электронном торговом обороте, с учетом баланса частных и публичных интересов отдельных индивидов, юридических лиц и государства, на основе конвергенции норм права.

В представленной научной работе аргументировано, что трансформации электронной формы предпринимательских договоров в торговом обороте России и зарубежных государств в контексте развития цифровых платформ неразрывно связаны с правовым регулированием искусственного интеллекта.

В настоящей работе определена трансформация электронной формы предпринимательских договоров в торговом обороте России и зарубежных государств в контексте развития цифровых платформ, а также выявлены особенности разрешения споров, связанных с использованием смарт-контрактов, в рамках рынка сетевых платформ на основе блокчейн-технологий, сформулированы авторские выводы и отдельные предложения.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые платформы, цифровые технологии, предпринимательский договор, торговая деятельность, цифровая торговля, форма предпринимательских договоров, разрешение споров, электронные контракты, блокчейн-технологии

Для цитирования: Русских С.С. Электронная форма предпринимательских договоров и разрешение споров в торговом обороте России, зарубежных правовых порядках в контексте развития цифровых платформ // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2025. № 1. С. 126–141. DOI: 10.28995/2073-6304-2025-1-126-141

Electronic form of business contracts and dispute resolution in the trade turnover of Russia, foreign legal systems in the context of the development of digital platforms

Sergey S. Russkikh

Moscow City Arbitration and Tax Bar Association "People of Business"
Moscow, Russia, 0055880@gmail.com

Abstract. It should be recognized that the very dynamic development of digital intellectual technologies predetermines the solution of new tasks aimed at establishing optimal regulators of modern segments in economic transformation: artificial intelligence; machine-readable law; digital assets; digitalization of legal proceedings. Accordingly, there is an objective need to develop relevant instruments of legal influence on rapidly developing economic and legal relations in the digital space, including in the field of establishing the form of business contracts in electronic commerce, taking into account the balance of private and public interests of individuals, legal entities and the state, based on the convergence of legal norms.

The presented scientific work argues that the transformations of the electronic form of business contracts in the trade turnover of Russia and foreign countries in the context of the digital platforms development are inextricably linked with the legal regulation of artificial intelligence.

The present paper defines the transformation of the electronic form of business contracts in the trade turnover of Russia and foreign countries in the context of the development of digital platforms, as well as it reveals the features of dispute resolution related to the use of smart contracts in the framework of the market of network platforms based on blockchain technologies, it also formulates author's conclusions and individual proposals.

Keywords: digitalization, digital platforms, digital technologies, business contract, trading activity, digital trade, form of business contracts, dispute resolution, electronic contracts, blockchain technologies

For citation: Russkikh, S.S. (2025), "Electronic form of business contracts and dispute resolution in the trade turnover of Russia, foreign legal systems in the context of the development of digital platforms", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no. 1, pp. 126-141, DOI: 10.28995/2073-6304-2025-1-126-141

Введение

Глобальная экономика и цифровизация во многих сферах жизнедеятельности с неизбежностью влекут реформирование не только экономической, но и правовой системы [Левушкин, Тюлин 2021]. «Цифровые технологии определяют вектор основного технологического, экономического и социального развития современной реальности» [Русских 2023а, с. 46].

Переход к цифровой экономике с неизбежностью предполагает ускорение, установление точности, мобильности, а за счет этого и эффективности реализации всех производственных процессов и конкурентоспособности [Левушкин 2020].

Представляется, что вопросы трансформации электронной формы предпринимательских договоров в торговом обороте России и зарубежных государств в контексте развития цифровых платформ неразрывно связаны с правовым регулированием искусственного интеллекта. В науке обоснованно установлено, что «внедрение цифровых технологий выявило немало негативных последствий, в частности расширение деструктивного, разрушительного цифрового контента» [Василевская 2023, с. 20].

Материалы исследования и методы

Методологическую основу работы составили общенаучные и частнонаучные методы. Основным методологическим базисом выступил метод юридической аналогии и сравнительно-правовой.

В рамках реализации метода сравнительного правоведения обратимся к опыту зарубежных государств с целью возможного заимствования положительного опыта правового регулирования.

Применение метода сравнительного правоведения позволило автору определить особенности нормативной правовой регламентации *и применения норм об электронном договоре в Гражданском Кодексе Китайской Народной Республики* (далее – КНР, Китай), Индонезии, Чешской Республике, выявить сущностные особенности.

Полагаем, что в целом регулирование цифровых платформ не требует создания специального законодательства как обособленного правового массива и отдельных норм права, соответствующие нормативные предписания могут быть включены в разделы специального регулирования об отдельных видах торговой деятельности. Отметим, что на текущем этапе состояние развития электронной торговли не обуславливает необходимости формулирования в отраслевом законодательстве правил о новых типах и видах договорных конструкций.

Результаты и их обсуждение

Определение юридической природы и тенденций исполнения предпринимательских обязательств является в настоящее время наиболее дискуссионным и принципиальным вопросом, имеющим значение для предпринимательских обяза-

тельств¹ [Левушкин, Кузьмина 2020]. Как известно, правовые отношения зачастую возникают на договорных началах, которые основаны на предпринимательских обязательствах [Левушкин 2018].

Бизнес – целая «вселенная» со своими правилами и законами. Зачастую его организация диктует жесткие условия, и предприниматель в условиях стресса неразумно подходит к решению задач, устанавливая перед собой ошибочные цели². Торговыми предпринимательскими договорами являются сделки, осуществляемые субъектами предпринимательства на систематической основе, а иные неторговые сделки регулируются гражданским законодательством. Договоры между коммерческим лицом и лицом вне коммерции регулируются одновременно гражданским и торговым законодательством (правом). Стороны самостоятельно определяют предмет и положения договора (сделки).

В доктрине предпринимательского права обоснованно отмечается, что нормативная и институциональная матрицы современного мира коэволюционируют: меняются социальные паттерны, перестраиваются бизнес-модели, управленческие практики, при этом право, ввиду своей постфактумной логики, временно уступает регулятивные функции неправовым нормам, объективированным вовне в качестве фрагментированных ESG-принципов, институциональные же системы адаптируются к новым реалиям [Мажорина 2021]. В сделках купли-продажи через интернет-пространство соответствующие стороны в нем осуществляют правовые возможности (реализуют права) в рамках цифровых правоотношений, изложенные в форме соглашений или контрактов.

Электронные контракты, в соответствии с пунктом (2) статьи 47 Постановления Правительства № 82 от 2012 г., применяемые в рамках электронных систем и транзакций (PP PSTE), считаются действительными, если: а) существует соглашение между сторонами; б) реализуются юридическим лицом, действующим в пределах правосубъектности; в) не противоречат императивным нормам закона и диспозитивным, установленным самим договором; и г) объект сделки не должен вступать в противоречие с законами и нормативными актами, порядочностью и общественным порядком. Субъекты бизнеса, предлагающие товары или

¹ Левушкин А.Н. Договоры в предпринимательской деятельности: Учеб. М.: Проспект, 2021. 400 с.

² Vlasov A.A., Levushkin A.N., Rakhmatullin T.E., Rakhmatullina L.E. State property rights protection outside the territory of the Russian Federation // Opcion. 2019. No. 19. Tom 35. P. 730.

услуги в электронном виде, обязаны полностью и корректно предоставлять информацию об условиях контракта, производителях и продуктах в соответствии с пунктами 1 и 2 статьи 17 Закона ITE. Электронные контракты в рамках электронных транзакций должны иметь ту же юридическую силу, что и обычные гражданско-правовые договоры (контракты). Следовательно, электронный контракт также должен быть обязательным для сторон, поскольку пункт (1) статьи 18 Закона ITE гласит, что «электронные транзакции, выступающие в качестве условия договора, изложенные в электронном контракте, являются обязательными для сторон». Как и в случае с обычными контрактами, стороны имеют свободу выбора законов, применимых к электронным транзакциям международного характера.

Пункт (3) статьи 18 Закона ITE гласит, что, если стороны не делают выбор суда в международных электронных договорах, принцип, который может быть использован, – это принцип, содержащийся в пункте (4) статьи 18 Закона ITE. Указанное означает, что стороны имеют полномочия создавать судебный форум, арбитраж или другое альтернативное учреждение по разрешению споров, уполномоченное рассматривать споры, которые могут возникнуть в результате международных электронных транзакций. Перед совершением электронной транзакции стороны договариваются об электронной системе, которая будет использоваться для совершения транзакций. Пункты (1) и (2) статьи 20 Закона ITE предусматривают, что при проведении электронных транзакций контрагенты часто доверяют третьей стороне, выступающей в качестве электронного агента. Ответственность за последствия осуществления электронных транзакций должна вытекать из полномочий, предоставленных агенту сторонами для осуществления транзакции, как указано в пункте (1) статьи 21 Закона ITE.

Следует признать обоснованным подход, в соответствии с которым

...важно помнить о необходимости защиты персональных данных, особенно биометрических, обеспечении их информационной безопасности в процессе использования искусственного интеллекта [Егорова и др. 2020, с. 29].

Защита интеллектуальных прав на международном и региональном уровнях тесно связана с мировым технологическим и культурным развитием в целом, созданием, распространением и использованием существующих и новых проприетарных технологий [Левушкин, Бирюкова 2018, с. 17].

Немаловажное значение имеет регламентация защиты прав участников электронной торговли. Как справедливо указано в цивилистической доктрине,

...участники гражданского оборота хотят работать с надежными и добросовестными контрагентами, будь то юридические лица или индивидуальные предприниматели, которые выполняют все принятые обязательства в точном соответствии с договором: поставят качественную продукцию в сроки, установленные договором; оплатят все точно и в срок; выполнят гарантийные обязательства и т. п. [Левушкин, Морозов 2021, с. 38].

Правовая защита сторон электронных деловых операций (контрактных правоотношений) заключается в следующем:

1) юридическая защита продавцов в основном подчеркивается с точки зрения оплаты; продавцы требуют произвести возврат платежа, а затем подтвердить оплату, и только после этого будет осуществлена доставка заказанного товара;

2) правовая защита потребителей заключается в установлении законом гарантии в виде возможности возврата или обмена товара, если полученный товар не соответствует установленному договору;

3) конфиденциальность персональных данных пользователей электронных СМИ должна быть защищена законом. Предоставление информации должно сопровождаться согласием владельца персональных данных. Юридическая защита и обеспечение реализации прав сторон, осуществляющих операции в рамках электронной коммерции, регламентируется нормами, содержащимися в статье 25 Закона ITE:

Электронная информация и/или электронные документы, скопированные в интеллектуальные произведения, интернет-сайты и содержащиеся в них интеллектуальные произведения защищены как права интеллектуальной собственности на основании положений применимых нормативных актов.

Для признания договора в электронной форме заключенным надлежащим образом адресату предложения должна быть предоставлена возможность осуществить проверку всех элементов заказа, его общей стоимости (цены договора), а также возможность исправить ошибки, допущенные при его составлении, до подтверждения правильности заказа и его принятия (ст. 1369-5 Французского гражданского кодекса (ФГК). Легальное опре-

деление договору в электронной форме (электронной сделке) французское законодательство не дает. Однако статьями 1125–1127-4 ФГК урегулированы основные положения о правилах заключения договора в электронном виде. Статьей 1125 ФГК установлено, что электронные средства могут быть использованы для предоставления информации о товарах и услугах и условиях заключения договоров. Если одна из сторон предполагаемого договора намерена заключить договор в электронной форме – она должна обеспечить вторую сторону договора необходимыми для этого техническими ресурсами. Обязательным условием такого формата сотрудничества является обеспечение второй стороны техническими средствами, что способствует сохранению, исполнению и воспроизведению всех условий заключенного договора.

В рамках реализации метода сравнительного правоведения обратимся к опыту зарубежных государств с целью возможно-го заимствования положительного опыта правового регулирования. Так, *Гражданский кодекс Чешской Республики* в рассматриваемом отношении также определяет электронную форму предпринимательских сделок применимой к потребительским отношениям как договоры, заключаемые дистанционным способом (ст. 1824–1827 ГК). Так, например, в случае, если договор заключается с использованием электронных средств, то продавец обязан предоставить покупателю общие коммерческие условия в текстовом виде помимо формулировки самого договора.

В Гражданском Кодексе Китайской Народной Республики (далее – КНР, Китай) существует положение об электронном договоре, а также определение момента, с наступлением которого он считается исполненным. Согласно статье 512 Кодекса, если предметом электронного договора, заключенного через Интернет или иные информационные сети, является поставка товаров и к поставке принимается курьерская логистическая служба, то моментом поставки считается момент, когда грузополучатель расписывается в получении. Если предметом электронного договора является оказание услуг, то время, указанное в сформированном электронном ваучере или физическом ваучере, является временем оказания таких услуг. Если предмет электронного договора должен быть доставлен посредством передачи в режиме онлайн, то моментом доставки является момент, когда предмет входит в конкретную систему, назначенную другой стороной, и доступен для поиска и идентификации. Если стороны электронного договора иным образом договорились о способе или сроке поставки товаров или оказания услуг – такое соглашение имеет преимущественную силу.

Законодательство Индонезии в отношении электронных сделок имеет следующую конструкцию. Правовая защита сторон электронных деловых операций заключается в следующем:

1) правовая защита продавцов в основном подчеркивается с точки зрения оплаты; продавцы требуют произвести возврат платежа, а затем подтвердить оплату, и только после этого будет осуществлена доставка заказанного товара;

2) правовая защита потребителей заключается в гарантии в виде возврата или обмена товара, если полученный товар не соответствует заказанному;

3) конфиденциальность персональных данных пользователей электронных СМИ должна быть защищена законом. Предоставление информации должно сопровождаться согласием владельца персональных данных.

Правовая защита сторон, осуществляющих операции электронной коммерции, которая предусмотрена статьей 25 Закона ITE:

Электронная информация и/или электронные документы, скомпилированные в интеллектуальные произведения, интернет-сайты и содержащиеся в них интеллектуальные произведения защищены как права интеллектуальной собственности на основании положений применимых нормативных актов.

Далее представляется необходимым выявить особенности разрешения споров, связанных с использованием смарт-контрактов, в рамках рынка сетевых платформ на основе блокчейн-технологий в цифровой среде.

Основой разрешения споров, связанных с использованием смарт-контрактов, является Регламент³ 2019 г. Обязательное условие – наличие письменного арбитражного соглашения. Охарактеризуем несколько арбитражных систем.

Сеть «Арагон». Разработчики этой платформы рекламируют ее как универсальное решение: формируют создание DAO, которое расшифровывается как децентрализованная автономная организация и состоит из множества смарт-контрактов, которые

³ Kocur M., Kieszczyński J. The Rules of the Court of Arbitration of the Polish Blockchain and New Technology Chamber of Commerce. December 5, 2014. URL: <https://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2014/12/05/the-court-of-arbitration-at-the-polish-chamber-of-commerce-adopts-new-rules/> (дата обращения 15 марта 2024).

связаны друг с другом, для разрешения споров, связанных со смарт-контрактами или элементом блокчейна. Подразделение, ответственное за рассмотрение споров, называется Арагонский суд. В случае спора присяжные заседатели отбираются для рассмотрения такого дела на основе проекта модели, т. е. они выбираются из числа лиц, которые уполномочены участвовать в разрешении спора. Чтобы принять участие в пуле потенциальных присяжных заседателей, добровольцу необходимо внести определенную сумму денег в виде специально разработанного местного токена под названием ANJ. Доброволец ставит определенную сумму ANJs, чтобы увеличить свои шансы быть выбранным для разрешения спора. Как только присяжные выбраны, они рассматривают доказательства, представленные спорящими сторонами, с помощью системы Aragon и голосуют за исход дела. Когда все раунды вынесения решения завершены, выигравшая сторона получает вознаграждение, а участвующие присяжные заседатели сталкиваются со своим исходом: присяжный, который встал на сторону проигравшей стороны, также потеряет свою ANJ, которые будут добавлены к общей сумме ANJ в данном конкретном случае и распределены поровну между присяжными заседателями, отдавшими свои голоса за сторону, выигравшую дело. Такой подход, заключающийся в лишении вознаграждения присяжных, которые при голосовании приняли сторону большинства, является прекрасной иллюстрацией схемы стимулирования, описанной ранее как точка Шеллинга, и используется для поощрения присяжных к справедливому вынесению решений (в соответствии с тем, что присяжные понимают как «субъективную истину»), поскольку это единственный способ быть объективным и член жюри обоснованно претендует на получение прибыли и, соответственно, повышает свою репутацию и шансы быть избранным повторно для последующего участия в разрешении споров.

Клерос. Другой сетевой арбитражной платформой, которая опирается на аналогичный набор правил и подходов к разрешению споров, связанных с использованием смарт-контрактов, является Kleros. Это французская компания, которая была создана специально как онлайн-платформа для разрешения споров по смарт-контрактам, но в настоящее время расширена за счет включения нескольких продуктов, таких как рынок P2P (peer-to-peer) транзакций. Идея, лежащая в основе этой платформы, очень похожа на ту, что разработана Aragon: спорящие стороны предъявляют иск, предоставляют обеспечение в виде криптова-

люты, присяжные заседатели, которые хотят вынести решение по этому делу, представляют свои «ставки» в виде токена местной платформы (в данном случае Pinakion или PNK), чтобы увеличить свои шансы быть выбранными. После того как голоса были поданы в пользу одной из спорящих сторон, присяжные заседатели, принявшие сторону выигравшей стороны, получают обратно свои PNK + те пинакионы от присяжных заседателей, которые встали на сторону проигравшей стороны (реализация схемы поощрения баллами Шеллинга на практике). Кроме того, присяжные заседатели, которые вынесли решение в пользу последующего победителя по делу, также получают свою долю от суммы в ETH (Эфир), внесенный спорящими сторонами в качестве залога.

По сравнению с другими конкурентными платформами Kleros может похвастаться хорошо развитой структурой и техническим прогрессом, поскольку она не только имеет систему иерархически расположенных подсудностей для разрешения различных видов споров, но также имеет готовое к использованию децентрализованное приложение или DApp. Кроме того, внутренний токен, который используется для системы репутации присяжных заседателей – PNK, можно приобрести на различных биржах токенов, таких как Bitfinex или Ethfinex.⁵⁴ Если мы посмотрим на веб-страницу Kleros's Dispute Resolver – специально разработанного портала, который отображает статусы незавершенных дел, может быть найдено множество различных споров, начиная от требований о возврате денег за покупку домашнего животного до споров, вытекающих из договора аренды. Это указывает на то, что платформа способна привлекать различных потребителей – от тех, кто спорит из-за мелких претензий, до более существенных предпринимательских экономических конфликтов.

Jur. Эта платформа, как и ее конкуренты, обещает обеспечить объективный формат разрешения спора и легкий доступ к онлайн-разрешению экономического конфликта. Само решение представляет собой сетевую арбитражную платформу, которая функционирует с использованием схем стимулирования теории игр, подобных уже упомянутому пункту Шеллинга, для компенсации участвующим присяжным заседателям за их участие в процессе вынесения решения. Однако, в отличие от Kleros и Aragon, наша платформа предусматривает несколько иной подход к перераспределению токенов (JUR токен в нашем случае). Ранее мы описывали схему, при которой токены распределя-

лись равномерно между участвующими присяжными заседателями, которые при голосовании приняли сторону победившего большинства. Наша платформа выбирает другой подход: средства присяжных, которые встали на сторону меньшинства, по-прежнему перераспределяются между теми, кто встал на сторону большинства, но неравномерно. Только те присяжные, которые проголосовали раньше всех и чьи голоса были отданы за последнего победителя дела, получают обратно свои жетоны плюс жетоны всех остальных присяжных. На практике это выглядит следующим образом: скажем, у нас есть коллегия, состоящая из семи присяжных заседателей. Решение разделено: пять в пользу истца и два в пользу ответчика. В таком случае те присяжные, которые встали на сторону ответчика, теряют свои жетоны. Эти жетоны добавляются к общей куче жетонов всех присяжных заседателей. Полученная сумма будет распределена поровну не между пятью, а только между тремя присяжными заседателями, которые проголосовали за истца и которые быстрее всех из пяти подали свои голоса.

Такой механизм перераспределения токенов разработан для того, чтобы как бы «исправить» имеющиеся пробелы пункта Шеллинга: без такой процедуры присяжные заседатели, которые голосуют позже своих коллег, могут отдать свои голоса, основываясь на уже установленном большинстве, даже если они могут согласиться с аргументами проигравшей стороны (с юридической точки зрения). Этот механизм не сможет предотвратить все виды «злоупотреблений» платформой, но в сочетании с практикой гибкого времени голосования (когда крайний срок для голосования присяжных может быть автоматически продлен при определенных обстоятельствах) могут удержать участвующих присяжных заседателей от злоупотреблений с их стороны принадлежащими им правами.

Еще одной отличительной особенностью платформы Jur является использование в своей деятельности новой разновидности смарт-контракта, а именно «смарт-юридического контракта». Эта концепция представляет собой идею слияния классических письменных контрактов и смарт-контрактов, где их положительные характеристики (юридическое признание классических контрактов и автоматизация, самоисполнение смарт-контрактов) органично соединяются для большей эффективности и гибкости пользователя. Jur не является пионером в этой области, поскольку концепция интеллектуального юридического контракта существовала до создания платформы.

Кроме того, в отличие, например, от Kleros, разработчики Jur спроектировали свою платформу таким образом, чтобы разрешить спорные вопросы, вытекающие из договорных отношений, которые регулируются не только смарт-контрактами, но и классическими обычными контрактами на естественном языке, что делает это решение подходящим для более широкого спектра вариантов использования. Как мы можем видеть из приведенных примеров, несмотря на относительную новизну концепций блокчейна и смарт-контрактов, рынок сетевых платформ разрешения споров уже представлен рядом конкурирующих решений, которые смогли найти свою нишу и привлечь пользовательскую базу. В свете растущей оцифровки процессов обычные арбитражные учреждения, возможно, захотят перенять опыт этих новых технологических решений, чтобы быть более привлекательными для потенциальных клиентов.

Технология смарт-контракта предполагает предоставление по обязательству *цифровых прав*. Блокчейн обеспечивает стабильность и неизменяемость данных, в то время как смарт-контракты обеспечивают автоматизацию для своих пользователей – комбинация, которая слишком перспективна, чтобы ее не использовать [Русских 2023b, с. 31].

Специальный арбитраж. Специальный арбитраж – это группа проектов, направленных на урегулирование между сторонами различных видов споров, как на досудебной, так и на судебной стадии. Основная характеристика данной группы заключается в том, что этапы всех процедур автоматизированы, а элементы проектов базируются на Арбитражном регламенте ЮНСИТРАЛ (международный арбитраж). Таким образом, стороны вправе воспользоваться как традиционной моделью разрешения споров, так и цифровой моделью арбитражного разбирательства.

Актуальным направлением, которое развивается в настоящее время, является функционирование арбитража на базе исходного кода с помощью протокола Juris Protocol Mediation and Arbitration⁴.

На следующем этапе стороны вправе прибегнуть к одной или нескольким следующим процедурам (могут применяться сторонами как последовательно, так и факультативно):

⁴ Juris White Paper Version 2.0. URL: <https://drive.google.com/file/d/1318klGEYL4g02VudL-C-BCnvpKujTnbF/view> (дата обращения 1 ноября 2023).

1) *Self Mediation*. Команда Juris Dashboard позволяет сторонам самостоятельно урегулировать спор с помощью инструментов Self-Enforced Library Functions (или Self layer). Фактически, это тот же комплекс действий, которые совершают стороны, работая по классической письменной форме договора. Инструментарий в данном случае включает в себя возможность одной из сторон обнулить соглашение, перевести денежные средства на счет другой стороны и иное.

2) *SNAP (Simple Neutral Arbitrator Poll)* – система для рассмотрения споров независимыми арбитрами, которые по окончании спора сообщают результаты сторонам. Данный этап сопровождается применением процедуры Self layer.

3) *PANEL (Juris Peremptory Agreement for Neutral Expert Litigation)* – непосредственно сам цифровой аналог арбитражного процесса (разбирательства на базе регламента ЮНСИТРАЛ). Арбитры, избранные сторонами для разрешения спора, выносят мотивированное решение по нему в течение 30 дней, являющееся обязательным для исполнения смарт-контрактом.

Заключение

Платформы разрешения споров на основе блокчейна по сравнению с предыдущими вариантами использования, когда блокчейн и/или смарт-контракты могут быть использованы для облегчения арбитражного процесса без изменения его характера, этот вариант представляет собой следующий шаг привлечения цифровых технологий к разрешению споров. Это требует значительно более высокой степени интеграции блокчейна в арбитражное разбирательство, изменяя некоторые процессы, например представление доказательств, общение с трибуналом, принятие решений и т. д., вплоть до того момента, когда результирующее сочетание права и технологий может повысить вопросы юридической действительности такого разбирательства и юридического признания арбитражных решений. Ученые и практики, чьи исследовательские интересы вращаются вокруг тем основанных на блокчейне решений для онлайн-арбитража, вызывают некоторые сомнения относительно того, можно ли вообще называть эти новые создания арбитражными платформами и могут ли их решения приводиться в исполнение как типичные арбитражные решения. На данный момент – это следует отметить – существует множество платформ, основанных на

блокчейне, для ведения споров во время 'слушания' дела и принятия решений⁵.

Поскольку идея включения элемента блокчейна в арбитражный процесс является новой, разделительная линия между концепциями on-chain и off-chain арбитража довольно размыта. Тем не менее полагаем, что эта линия разграничения весьма важна, потому что, доведенная до крайности, она может существенно изменить процесс принятия решения в арбитраже.

Установлено, что онлайн-транзакции – это, по сути, сделки или договоры купли-продажи в их общем смысле, реализуемые онлайн и с точки зрения договорного права регулируемые на уровне гражданского законодательства.

Существование электронного контракта, как это регулируется статьей 18 (1) Закона ITE, признается и имеет то же положение, что и обычный договор купли-продажи. При использовании электронных контрактов потребители также вправе реализовать свои права и интересы посредством обращения в суд в отношении бизнес-субъектов (продавцов), если возникает спор из-за электронной транзакции как одного из условий договора.

На основе проведенного исследования установлено, что электронные контракты при электронных транзакциях должны иметь ту же юридическую силу, что и обычные контракты. Электронный контракт также должен быть обязательным для сторон, поскольку пункт (1) статьи 18 Закона ITE гласит, что электронные транзакции, включенные в электронный контракт, являются обязательными для сторон. Участники онлайн-купли-продажи имеют свободу выбора законов, применимых к электронным транзакциям международного характера; как объясняется в статье 18 Закона ITE, стороны имеют право выбирать законы, применимые к международным электронным транзакциям, которые они совершают.

Кроме того, следует подчеркнуть, что стороны также обладают полномочиями определить форму разрешения споров либо через суд, либо с помощью альтернативных методов разрешения споров. Сделки купли-продажи, даже если они осуществляются онлайн, на основании закона ITE и PP PSTE по-прежнему признаются электронными транзакциями.

⁵ *Phora D., Raj A. Blockchain Arbitration – The Future of Dispute Resolution Mechanisms? // Cambridge International Law Journal. 2019. URL: <http://cilj.co.uk/2020/12/16/blockchain-arbitration-the-future-of-dispute-resolution-mechanisms><https://munispace.muni.cz/library/catalog/chapter/2137/542> (дата обращения 1 ноября 2023).*

Литература

Василевская 2023 – *Василевская Л.Ю.* Кодекс этики для искусственного интеллекта: юридический миф и реальность // Гражданское право. 2023. № 2. С. 19–22.

Егорова и др. 2020 – *Егорова М.А., Барабашев А.Г., Минбалеев А.В.* Роль искусственного интеллекта в условиях пандемии // Юридический мир. 2020. № 5. С. 29–34.

Левушкин 2018 – *Левушкин А.Н.* Организационные предпринимательские договоры в системе норм обязательственного права и судебной практике // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 8. С. 30–35.

Левушкин 2020 – *Левушкин А.Н.* Правовое регулирование коллекторской деятельности как бизнес-процесса в эпоху цифровых отношений // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2020. № 4 (223). С. 80–88.

Левушкин, Бирюкова 2018 – *Левушкин А.Н., Бирюкова Е.Г.* Интеллектуальная собственность в медицине и фармации: особенности применения и защиты // Гражданское право. 2018. № 3. С. 17–21.

Левушкин, Кузьмина 2020 – *Левушкин А.Н., Кузьмина И.К.* Тенденции исполнения предпринимательских обязательств в правоприменительной деятельности // Современный юрист. 2020. № 2. С. 150–166.

Левушкин, Морозов 2021 – *Левушкин А.Н., Морозов С.Ю.* Проверка контрагента перед заключением договора как непоименованный способ обеспечения исполнения предпринимательских обязательств // Юрист. 2021. № 7. С. 37–42.

Левушкин, Тюлин 2021 – *Левушкин А.Н., Тюлин А.В.* Deepfake и системы искусственного интеллекта в парадигме развития цифрового права // Юрист. 2021. № 11. С. 19–24.

Мажорина 2021 – *Мажорина М.В.* ESG-принципы в международном бизнесе и «устойчивые контракты» // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 12. С. 185–198.

Русских 2023а – *Русских С.С.* Заключение сделок с использованием технологии блокчейн в цифровом пространстве // Евразийская адвокатура. 2023. № 4 (63). С. 45–48.

Русских 2023б – *Русских С.С.* Цифровизация экономической деятельности и права в рамках цифровой глобализации // Право и экономика. 2023. № 8. С. 29–34.

References

Egorova, M.A., Barabashev, A.G. and Minbaleev, A.V. (2020), “The role of artificial intelligence in conditions of the pandemic”, *Juridical World*, no. 5, pp. 29–34.

Levushkin, A.N. (2018), “Organizational business contracts in the system of norms of the obligation law and judicial practice”, *Laws of Russia: experience, analysis, practice*, no. 8, pp. 30–35.

Levushkin, A.N. (2020), "Legal regulation of collection activity as a business process in the era of digital relations", *Property relations in the Russian Federation*, no. 4 (223), pp. 80–88.

Levushkin, A.N. and Biryukova, E.G. (2018), "Intellectual property in medicine and pharmacy. Features of application and protection", *Civil Law*, no. 3. pp. 17–21.

Levushkin, A.N. and Kuzmina, I.K. (2020), "Trends in the fulfillment of business obligations in law enforcement", *Modern Lawyer*, no. 2, pp. 150–166.

Levushkin, A.N. and Morozov, S.Yu. (2021), "Checking the counterparty before concluding the contract as an unnamed way to ensure the fulfillment of business obligations", *Lawyer*, no. 7, pp. 37–42.

Levushkin, A.N. and Tyulin, A.V. (2021), "Deepface and artificial intelligence systems in the digital law development paradigm", *Jurist*, no. 11, pp. 19–24.

Mazhorina, M.V. (2021), "ESG Principles in International Business and Sustainable Contracts", *Actual Problems of Russian Law*, no. 16 (12), pp. 185–198.

Russkikh, S.S. (2023a), "Conclusion of transactions using blockchain technology in the digital space", *Eurasian Advocacy*, no. 4 (63), pp. 45–48.

Russkikh S.S. (2023b), "Digitalization of economic activity and law within the framework of digital globalization", *Law and Economics*, no. 8, pp. 29–34.

Vasilevskaya, L.Yu. (2023), "The code of ethics for artificial intelligence: a legal myth and reality", *Civil Law*, no. 2. pp. 19–22.

Информация об авторе

Сергей С. Русских, адвокат, Московская городская арбитражная и налоговая коллегия адвокатов «Люди Дела»; Москва, Россия; 101000, Россия, Москва, Милютинский переулок, д. 2; 0055880@gmail.com

Information about the author

Sergey S. Russkikh, lawyer, Moscow City Arbitration and Tax Bar Association "People of Business", Moscow, Russia; bld. 2, Milyutinsky Lane, Moscow, Russia, 101000, 0055880@gmail.com